

услышанное, делились впечатлениями, учились оценочным критериям, искренне болели за своих коллег. Несомненный профессионально-воспитательный эффект конкурсных мероприятий является хорошим стимулом для студентов в их дальнейшем творческом совершенствовании.

1. Конкурсы музыкальные // Музыкальная энциклопедия : [в 6 т.] / гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М. : Сов. энцикл., 1974. – Т. 2. – С. 904–909.

2. Таирова, Л. С. ...І няма пераможаных: [Па выніках I Рэспубліканскага конкурсу імя І. Жыновіча] // Літ. і мастацтва. – 1988. – 22 студз. (№ 4). – С. 10–11.

3. Таірава, Л. С. Адказы не на ўсе пытанні: [Па выніках II Рэспубліканскага конкурсу імя І. Жыновіча] // Мастацтва Беларусі. – 1991. – № 7. – С. 13–16.

4. Таірава, Л. С. Першы міжнародны імя Жыновіча: [Нататкі з конкурсу выканаўцаў на народных інструментах] // Мастацтва. – 2003. – № 4. – С. 50–52.

5. Таірава, Л. С. Бурныя аплодисменты беларускім музыкантам! [По матэрыялам II Міжнароднага конкурса ісполніцель на народных інструментах ім. І. Жыновіча] // Музычнае і тэатральнае мастацтва: праблемы выкладання. – 2007. – № 4. – С. 56–59.

6. Таірова Л. С. Народно-інструментальнае ісполніцельства Беларусі // Мінск : Беларус. гос. ун-т культуры і іскусств, 2012. – 187 с.

ЭТАПЫ РЕЦЕПЦИИ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

И. И. Таркан,

*старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
учреждения образования «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»*

В условиях современного поликультурного мира со всей остротой встает проблема содержательного взаимодействия различных культурных традиций, в том числе культурных традиций Востока и Запада. Актуальность этой проблемы связана с тем обстоятельством, что массовизация взаимодействия нередко приводит к тому, что глубинное содержание той или иной традиции выпадает из контекста взаимодействия, и обмен осуществляется на уровне их поверхностных проявлений.

Переход от стихийного к целенаправленному диалогу культур М. М. Бахтин связывал с постоянной рефлексией реципиента над своим

восприятием другой культуры. Такую позицию самоотчетности в отношении собственной рецепции инокультурных форм и смыслов М. М. Бахтин называл вненаходимостью и характеризовал ее как важнейший принцип формирования и содержательного обогащения поликультурного пространства [3, с. 98].

Среди восточных традиций, чьи элементы активно интегрируются в современную культуру западных стран, включая Беларусь, заслуживает внимания в том числе индийская. Исследователи отмечают, что в отличие от других культурных традиций (например, арабо-мусульманской), индийская обладает высокой степенью адаптивности и неконфликтности по отношению к ценностям западного общества [5, с. 267].

В свете этого представляет интерес реконструкция восприятия индийской культуры в отечественной индологии.

Следует отметить, что становление и развитие отечественной индологии происходило под влиянием западноевропейской санскритологии, сложившейся в первой половине XIX в. К этому времени в западной индологии выделилось несколько направлений: просветительское, утилитаристское и романтическое [1, с. 17]. Просветители провозглашали рациональность как безусловную ценность и свободу как главную цель, достигаемую через образование. Центром данного направления было Азиатское общество Бенгалии. Члены Азиатского общества представляли собой небольшой кружок просвещенных чиновников Ост-Индской компании, которые были убеждены, что для управления Индией необходимо глубоко знать ее культуру и руководствоваться местными законами и обычаями. Поэтому они уделяли много времени изучению индийских языков и переводам литературы, составляли «кодексы индусского права» на основе санскритских источников [16, с. 66–67]. Наибольшую известность среди членов Азиатского общества приобрел Уильям Джонс, который установил сходство санскрита с греческим и латинским языком, ввел понятие «индоевропейского языка», сформулировал концепцию индоевропейской цивилизации [14, с. 4458].

Утилитаристы по своим взглядам были близки просветителям, но главным для них был принцип полезности. Поскольку с позиции утилитаристов уровень цивилизации определяется тем, в какой мере она рациональна и придает должное значение свободе индивидуальности, ни о каких достижениях «отсталых азиатов» не могло быть и речи. Отсюда вытекало, что Индия нуждается не в изучении, а в сильной власти и распространении на ее территории европейского образования. В этом духе была написана «История Британской Индии» Джеймса Милля [15].

Романтики проявляли интерес к другим культурам, к познанию иного, изучению национальных особенностей. Признавали, что каждая культура имеет свою систему ценностей. Особое внимание романтики

уделяли истории, эстетизировали древность и пытались найти в прошлом общие корни человеческой цивилизации. Поэтому гипотеза о существовавшей некогда индоарийской цивилизации, сформулированная У. Джонсом, стала исключительно популярной в романтической среде, которую представляли такие немецкие мыслители, как Фридрих Шлегель, Вильгельм Гумбольдт, Иоганн Готфрид Гердер и др.

Под влиянием европейской индоевропеистики начинает развиваться санскритология и в России. Одним из первых исследователей, сделавших значительный вклад в становление русской школы индологии, был выходец из Беларуси Каэтан Андреевич Коссович. К изучению санскрита его подтолкнули славянофилы, воодушевленные идеей исторического родства санскрита и славянских языков. В частности, А. С. Хомяков настолько был увлечен поисками древнеиндийских слов, сходных со славянскими, что утверждал, будто из всех существующих европейских языков нет ни одного, который был так близок санскриту, как русский [13, с. 335]. Памятником такого же рода энтузиазма является подготовленный К. А. Коссовичем «Санскрито-русский словарь». Автор словаря сопровождал все санскритские слова русскими буквами и расположил их в порядке русского алфавита, чтобы облегчить пользование им для лиц, «не знающих Санскритского языка» [9, с. 8]. Когда в Петербургском университете был образован факультет восточных языков, К. А. Коссович занял место преподавателя кафедры санскрита. Ввиду того, что К. А. Коссович не был профессиональным ученым, его преподавание не отличалось научной глубиной и систематичностью. Однако он выступил активным популяризатором санскрита и способствовал формированию индологии как научной специальности в России [8, с. 203].

Индоевропейская гипотеза дала мощный импульс для развития индологии и всего востоковедения. Фактически во всех университетах Европы были созданы кафедры санскрита. Основаны первые востоковедческие организации. Накоплены литературные памятники и сделаны многочисленные переводы санскритских текстов. Сформированы методы сравнительного языкознания. Индоевропеистика сформировала подходы и методы научного исследования не только для изучения наследия индийской культуры, но и других азиатских обществ.

В конце XIX – первой половине XX в. индология превращается в комплекс специальных дисциплин. В центре внимания по-прежнему остаются санскритские тексты, но их анализ осуществляется в контексте реальной индийской, а не гипотетической индоевропейской (индоарийской, индогерманской) культуры. В это время на первое место выходят темы, которые ранее считались периферийными: роль буддизма в индийской истории, политическая история Индии, влияние неарийского (дравидского) субстрата на культуру Индии.

Еще одним важным направлением становится исследование истории социально-экономических отношений в индийском обществе. Данной проблематикой занимались преимущественно советские индологи и их зарубежные коллеги, которые придерживались марксистских взглядов на историю. Принимая тезис о том, что подлинная история лежит в развитии экономики, индологи-марксисты отрицали идею о специфике индийского духа, призывали выявлять общие закономерности, применимые к любому азиатскому обществу. Основные вопросы были направлены на выяснение особенностей индийского рабовладельчества и феодализма, периодически на протяжении нескольких лет шли дискуссии об азиатском способе производства [2, с. 35–36].

Значительный вклад в развитие советской индологии сделал выходец из Беларуси – Владимир Васильевич Балабушевич, руководивший в 1950–1960-е гг. отделом Индии Института востоковедения АН СССР. Один из ведущих современных российских индологов – Л. Б. Алаев – отзывается о В. В. Балабушевиче как о талантливом организаторе науки: «Создание этого коллектива и поддержание в нем здоровой рабочей атмосферы – заслуга В. В. Балабушевича. Четырехтомная «История Индии» была создана по его инициативе и при его постоянном участии» [1, с. 193]. Л. Б. Алаев продолжает: «Сочетание благоприятной конъюнктуры (хрущевская «оттепель» и резкое расширение Института) с исключительными «менеджерскими» (как мы сказали бы сейчас) и человеческими качествами Владимира Васильевича привели к тому, что время его руководства отделом Индии стало золотым веком отечественной индологии. Сотрудники отдела играли ведущую роль во всех дискуссиях, которые в то время проходили в востоковедении...» [1, с. 193–194].

В 90-е гг. XX в. на постсоветском пространстве, включая и Беларусь, широкое распространение получили неоиндуистские учения (кришнаизм, рерихианство, раджнишизм и др.). В этой связи появляется ряд работ, посвященных новым религиозным движениям, в том числе и неоориентальным. Особый интерес представляет отдельное издание «Неокульты: “новые религии” века?» [10]. В сборник включены статьи известных белорусских ученых Е. С. Прокошиной, И. Ф. Рекуца, О. В. Дьяченко, Е. К. Агеенковой. В это время выходят отдельные работы, авторы которых рассматривали неоиндуистские движения в Беларуси (А. В. Верещагина, Л. Е. Земляков) [4; 7]. Выделяются работы А. В. Гурко, представляющие собой этнографическое исследование общества сознания Кришны [6]. Автор подробно раскрывает особенности повседневной жизни членов этого движения.

Заметной фигурой в современной белорусской индологии является доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ О. В. Пер-

зашкевич, в центре внимания которого – роль и место жречества в древнеиндийском обществе [11]. В качестве объекта исследования выступают ригведийские (ранневедические) тексты. На их основе автор реконструировал ригведийские институты и раскрыл их историческое значение. О. В. Перзашкевич пришел к выводу о существовании ригведийского общества и теократического госдарства. О. В. Перзашкевич последовательно критикует концепцию арийского вторжения, доказывая автохтонность местного населения эпохи Ригведы [12].

Таким образом, можно выявить следующие этапы в развитии индологической мысли Беларуси.

1. На первом этапе (с XIX в.) происходит становление академического изучения текстового наследия Индии. Отечественные исследователи подчеркивают генетическое родство санскрита и славянских языков.

2. Второй этап (вторая половина XX в.) ознаменован развитием академического интереса, направленного на выявление общих закономерностей развития стран Азии. В этой связи научные исследования фокусируются на социально-экономических процессах в Индии.

3. На третьем этапе (с конца XX в.) внимание уделяется изучению форм и практик индийской традиции, получивших распространение в Беларуси. Исследования этого периода связаны с решением проблем межкультурного диалога.

---

1. *Алаев, Л. Б.* Историография истории Индии / Л. Б. Алаев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2013. – 472 с.

2. *Алаев, Л. Б.* Советская школа индологии. Исторические исследования (1917–1991) / Л. Б. Алаев // Россия–Индия : перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). – М., 2000. – С. 25–41.

3. *Бахтин, М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг. – С. 69–263.

4. *Верещагина, А. В.* Конфессии: развитие в многообразии / А. В. Верещагина // Беларуская думка. – 1996. – №8. – С. 54–59.

5. *Горохов, С. А.* Роль индуизма в общественно-политической жизни Индии / С. А. Горохов // Преподаватель XXI век. – 2011. – № 2. – С. 266–272.

6. *Гурко, А. В.* Вайшнавизм и его особенности в Беларуси: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / А. В. Гурко ; АН Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1993. – 27 с.

7. *Земляков, Л. Е.* Государство и религия: новые отношения / Л. Е. Земляков // Беларуская думка. – 1997. – №12. – С. 21–28.

8. Историография истории Древнего Востока : в 2 т. / под ред. В. И. Кузищина. – Т. 2. – М. : Высшая школа, 2009. – 416 с.

9. Коссович, К. А. Санскрито-русский словарь / К. А. Коссович. – М. : АБВ, 2017. – 360 с.

10. Неокульты: «новые религии» века? / Е. С. Прокошина [и др.] ; под ред. А. С. Майхровича. – 3-е изд., доп. – Минск : Четыре четверти, 2000. – 240 с.

11. Перзашкевич, О. В. Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Перзашкевич. – Минск, 1999. – 142 л.

12. Перзашкевич, О. В. Ригведийское жречество / О. В. Перзашкевич. – Минск : БГУ, 2014. – 327 с.

13. Хомяков, А. С. Сочинения в двух томах. Работы по историософии / С. А. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – Том 1.

14. Littleton, C. S. Indo-European Religions : History of Study / C. S. Littleton // Encyclopedia of Religion : 14 vol. / ed. in chief L. Jones. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 7. – P. 4457–4466.

15. Mill, J. History of British India : in 10 Volumes / J. Mill, H. H. Wilson. – London : Madden, 1858. – Volume 1.

16. SarDesai, D. R. Asiatic Societies of Bengal and Bombay / D. R. SarDesai // Encyclopedia of India : 4 vol. / ed. in chief S. Wolpert. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 1. – P. 65–68.

КУЛЬТУРНАЯ ІНТЭГРАЦЫЯ МУСУЛЬМАНАУ У СУЧАСНАЕ БЕЛАРУСКАЕ ГРАМАДСТВА

М. А. Татарэвіч,

*аспірант установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
культуры і мастацтваў»,*

дырэктар Мастацкай галерэі «Універсітэт культуры»

Сучасны свет характарызуецца тэндэнцыяй да павелічэння этнічных кантактаў, размывання культурных межаў. Важнымі фактарамі дзяржаўнага сувенірытэту і палітычнай устойлівасці сусветных супольнасцей выступаюць не толькі рэлігійная і грамадская ідэнтычнасць, але і этнічна-культурная разнастайнасць супольнасці. У беларускім шматнацыянальным грамадстве асаблівае месца займае мусульманская культурная традыцыя. Згодна з апошнім перапісам, іслам у краіне вызнаюць каля 27 народаў, што складае больш за 30 000 чалавек [2]. Калі параўноўваць статыстыку з папярэднімі перапісамі (1989, 1999), то назіраецца павелічэнне колькасці азербайджанцаў, арабаў, асецін, таджыкаў, туркмен, але паменшылася колькасць татараў. У сувязі з гэтым вялікае значэнне набывае комплекснае даследаванне мусульманскага складніка